

Отречение отъ Діониса

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Почти вся жизнь Вячеслава Иванова прошла «под знакомъ» Діониса. Лирической поэтъ и авторъ трагедій, онъ проповѣдывалъ, что художникъ одновременно жрецъ и жертва, посвященный и обреченный. Явление бога-Вакха преслѣдовало поэта, и тамъ, гдѣ многіе видѣли лишь замысловатая построения ученаго эллиниста, соучастники его мистическихъ пиршествъ ощущали ужасное присутствіе сопредстольнаго брата Аполлона. Вспомнимъ свидѣтельство Блока, писавшаго (въ статьѣ о символизмѣ), что онъ видитъ съ такой же ясностью, какъ явленія такъ называемаго реального міра, зарницу, вспыхивающую надъ бровями страшнаго божества, посѣтившаго отшельника Петербургской «Вашни»:

Полуотрокъ, полу-птица.

Надъ бровями тучъ зарница

Зыблетъ тусклый пересвѣтъ.

Но Вячеславъ Ивановъ былъ не только поэтомъ. Свои прозрѣнія онъ хотѣлъ провѣрить и подвергнуть анализу. Въ ежемѣсячникѣ «Новый Путь» за 1904 г. и въ смѣнившемъ его ежемѣсячникѣ «Вопросы жизни» за 1905 г., появляется серія его статей о Діонисѣ. Закончить, однако, научныя свои изысканія о Діонисѣ и о связанныхъ съ его культомъ богахъ и герояхъ Элады удалось ему лишь недавно. Въ 1923 году вышла его докторская диссерта-

ція — «Діонисъ и прадионисейство».

Эта монографія не связана съ первоначальными очерками, отразившими поэтическія увлеченія и религиозно-философскія размышленія автора. Цѣль объемистаго труда — объяснить историческій процессъ развитія древне-греческаго культа. Статьи, написанныя двадцать пять лѣтъ назадъ, знаменательны, главнымъ образомъ, для умонастроенія вождя русскихъ символистовъ, его среды и сверстниковъ. «Діонисъ и прадионисейство» — работа по исторіи религіи античнаго міра, изслѣдованіе чуждое, по словамъ автора, увлеченіямъ молодежи. Вячеславъ Ивановъ, усумнившись въ правильности первоначальныхъ своихъ построеній, подвергъ также строгой критикѣ работы своихъ предшественниковъ, особенно же Ницше.

Плодомъ долготѣнихъ занятій религіей древней Греціи явилось убѣжденіе, что эстетическо-философское толкованіе Ницше — поверхностно, что въ культѣ Діониса скрыты мистическія глубины — въра въ вѣчную жизнь, въ возвращеніе душъ-странницъ изъ потусторонняго міра. Религія Діониса, по словамъ автора, — «первая въ эллинизмѣ опредѣлила своимъ направленіемъ водосклонъ, неудержимо стремившійся тѣхъ поръ все религиозное творчество къ послѣдному выходу — христіанства».

Въ первыхъ главахъ своего труда Вячеславъ Ивановъ изслѣдуетъ возникновеніе и развитіе мѣстныхъ культовъ древнѣйшаго періода эллинской исторіи. Праматерь Ночь, изъ лона которой рождаются изступленные менады, эриннии — грозныя птицы, преслѣдовавшія Ореста, героини-охотники, подземные духи (хтоническій Зевсъ), весь хаосъ и ужасъ раннихъ кровавыхъ и челоукоубійственныхъ преданій возстаютъ передъ нами, возвѣщая рожденіе младенца Діониса. Но уже въ первоначальномъ оргіазмѣ изслѣдователь находитъ характерныя признаки діонисова культа. Такъ жертва (въ древнѣйшій періодъ — челоукоубійственная) уже отождествляется съ божествомъ, которому она приносится, равнымъ образомъ — сами участники оргій, поскольку они испытываютъ состояніе энтузіазма (богоудержимости). Само божество представляется не только какъ владыка нижняго, но и верхняго царства, являющійся и жрецомъ и жертвою, претерпѣвающей «страсти». Отсюда — позднѣйшій орфическій мифъ, вѣщающій объ исконномъ растерзаніи титанами божественнаго младенца Діониса; изъ частей его тѣла созданъ этотъ міръ, чье существованіе обусловлено трагической разъединенностью всего сущаго, искупаемую жертвеннымъ возвращеніемъ всѣхъ къ Единому. Въ основныхъ типахъ діонисійскаго культа, намѣченныхъ авторомъ, — материковомъ (горномъ) и островномъ (морскомъ) — царитъ единое представление о богѣ-жертвѣ, символы коихъ: въ материковомъ — богъ-змій, младенецъ, подвергающійся растерзанію, чьи атрибу-

ты — тирсъ, свѣточъ и плющъ, въ островномъ — богъ-зѣкъ, ему же присущи двойной топоръ, буйный виноградъ и ковчегъ на водахъ, изъ котораго расцвѣтаетъ древо жизни.

Культы эти долго не были связаны непосредственно съ Діонисомъ. Имя его пребывало скрытымъ. Вспоминается афинскій алтарь, посвященный Невѣдомому Богу, о которомъ говорится въ Дѣяніяхъ Апостоловъ. Съ древнѣйшихъ временъ во многихъ эллинскихъ храмахъ стояли пустующіе престолы, ожидающіе нисхожденія таинственнаго божества. Имя Діониса открывается лишь постепенно.

Торжествующій Діонисъ встрѣчается со своимъ братомъ-соперникомъ Аполлономъ. Темныя прадионисійскія божества бѣгутъ отъ лица лучезарнаго сына Зевса. Но Діонисъ ему равенъ. Въ одномъ изъ наиболее мощныхъ античныхъ культовъ — въ дельфійскомъ — оба брата какъ бы сливаются въ двуединый ликъ. Мифъ говоритъ, что Аполлонъ овладѣлъ дельфійскимъ прорицательствомъ, убивъ его стража, змія Пифона, одного изъ прадионисійскихъ демоновъ. Зміеубійца исполнился духомъ своей жертвы (богъ-жрецъ и жертва) — «Свѣтозарный олипіецъ, отвращающійся, по слову Эсхила, отъ плачевныхъ обрядовъ и всего, имѣющаго отношеніе къ сферѣ подземной съ ея «скверною» (miasma), долженъ соприкоснуться съ міромъ загробнымъ, имъ «оскверниться» и потомъ отъ него же очиститься». Діонисъ и Аполлонъ съ того времени въ религиозномъ сознаніи посвященныхъ — сопредстольные братья. Ихъ двой-

ственный культъ знаменуетъ собою расцвѣтъ эллинизма.

Еще до дельфійскаго договора, возникъ въ эпоху первыхъ аэдовъ, обрядовой дуализмъ. Съ одной стороны, олимпійскіе, солнечные культы, съ другой — подземныя, ночныя «страсти». Смѣшеніе ихъ было строгойше запрещено. Вячеславу Иванову удалось, какъ никому до него, проникнуть въ самую сущность «рожденія трагедій», именно благодаря имъ обозначенному роковому сопряженію культовъ Діониса и Аполлона. Авторъ полагаетъ, что само понятіе «вакарисъ» (которому дано столько опредѣленій отъ Аристотеля до нашихъ дней) возникло изъ обряда очищенія, коимъ снимается передъ солнечными небожителями «скверна» (miasma) общенія съ подземнымъ царствомъ. Такимъ образомъ, вакарисъ является непремѣннымъ слѣдствіемъ паэоса, охватывающаго участника въ прадионисійскихъ оргіяхъ. Только съ обрѣтеніемъ имени Діониса наступаетъ «эллинскій новый завѣтъ». Религія Діониса дѣлаетъ страстные подземные культы самостоятельными — «богъ небесный и подземный вмѣстѣ является одновременно и вдохновителемъ и его разрѣшителемъ».

Тогда изъ подчиненія Аполлона были исключены оргіастическія формы искусства. Изъ обособленныхъ вакхическихъ обрядовъ славословія — дифирамба — возникаетъ трагедія. Пѣвецъ Аріонъ возводитъ дифирамбъ на степень художника, развивъ религиозное дѣйствіе, связанное съ вѣрой въ весеннее возвращеніе не только силъ природы, но и душъ людскихъ, пред-

водительствуемыхъ Діонисомъ. Бога весенняго обновленія окружали ритуальные демоны — козлы (tragoi), давшіе свое имя Трагедіи.

«Трагедія, пишетъ авторъ въ заключительныхъ строкахъ замѣчательнаго своего изслѣдованія, была глубочайшимъ всенароднымъ выраженіемъ діонисійской идеи и, вмѣстѣ, послѣднимъ всенароднымъ словомъ эллинизма. Вся эллинская религиозная жизнь и, въ частности, все эллинское мифотворчество переломилось черезъ нее въ діонисійской средѣ. Конецъ трагедіи былъ концомъ эллинизма и началомъ эллинизма. По истощеніи трагедіи, діонисійская идея ищетъ себѣ выраженія въ эллинистическихъ мистеріяхъ, проникнутыхъ одною идеей — страдающаго, умирающаго и воскресающаго бога. Такъ эллинскій міръ создаетъ почву для христіанства, которое уже въ самой колыбели своей, какою была «Галилея языческая» (Ис. 1X, 1, Матф. 1У, 15), кажется проникнутымъ символикю и паэосомъ діонисійства».

Но спокойное признаніе существованія «вакхова начала» въ христіанствѣ, кажется, не вполне удовлетворяло Вячеслава Иванова. Пусть эллинскій міръ «создаетъ почву» для Грядущаго Святеля, пусть апостоль, пришедшій изъ Галилеи въ Аѣны, открываетъ сокровенный смыслъ надписи на одномъ изъ алтарей Акрополя — «Невѣдомому Богу» — возможно ли установить діонисову преемственность, не только въ символикѣ, но и въ самой сущности христіанства? Не кажется ли намъ гениальнымъ кощунствомъ два образа Леонардо —

Вакхъ и Иоаннъ Креститель, похожіе другъ на друга, какъ два брата - близнеца?

Вскорѣ послѣ окончанія своего научнаго труда о Діонисѣ, Вячеславъ Ивановъ написалъ «отреченіе» отъ боговъ древней Эллады, поразившее любителей его поэзіи. Незданное это стихотвореніе дошло до меня въ списокѣ. Я беру на себя смѣлость при вести эту пьесу, надѣясь, что авторъ, скрывающійся нынѣ въ италійской глуши, не посягнетъ на меня:

Твой гиметскій медь ужелъ меня пресытилъ?

Изъ рощи миртовой, кто твой кумирь похитилъ?

Иль въ вѣщемъ ужасѣ я самъ его разбилъ?

Ужели я тебя, Эллада, разлюбилъ?

Но, духомъ обнищавъ, твоей не зналъ я ласки;

И жутки стали мнѣ души недвижной маски,

И тѣль надменныхъ свѣтъ, и думъ эвклидовъ строй.

Когда жъ, въ урочный часъ, разымчивой игрой

Подземныхъ флейтъ оживъ, личины покой очей

Мятежною тоской неукротимой ночи, Какъ встарь, исполнились, — я слышалъ съ неба зовъ:

«Покинь, служитель, храмъ, украшенный бѣсовъ».

И я бѣжалъ, и ѣмъ въ предгорьяхъ Оиваиды

Молчанья дикій медъ и жесткія акриды.

Что же произошло? Или поэтъ самъ ис-

пугался вызваннаго имъ Діониса, чье веселье — «опасно, какъ огонь въ домѣ», и придя къ заключенію, что діонисійство замѣнено христіанствомъ, въ отвѣтъ на античный ужасъ, на разымчивую игру подземныхъ флейтъ въ душѣ его прозвучало — «Ave Roma!». Слава Риму, спасающему своей строгой стройностью отъ вакхическаго мятежа, отъ оргіи мистики Востока. Или двусмысленная улыбка Вакха-Іоанна, открывшаяся Леонардо, показала поэту кощунственно невыносимой?

Нынѣ, думается, онъ отвергъ зовы дельфійскихъ ущелій, его пресытилъ и гиметскій медъ. Отъ паоса діонисійства онъ очущается въ предгорьяхъ новой Оиваиды. Западное христіанство для поэта — каоарсисъ, очищеніе отъ всякой скверны, возвращеніе изъ глубинъ вакхической ночи къ сіянію полудня, къ достолюбезной ясности, къ вождельной полнотѣ. Настроенія эти выражены въ замѣчательныхъ его римскихъ сонетахъ, къ сожалѣнію, также еще неизданныхъ. Отказавшись отъ Діониса, Вячеславъ Ивановъ не отвергъ Аполлона (стихи: «И тѣль надменныхъ свѣтъ, и думъ эвклидовъ строй» не знаменуютъ полного отстраненія свѣтозарнаго аполлонійскаго начала). Поэтъ не наложилъ на себя монашескаго обѣта молчанія, не въ силахъ вырваться изъ рокового круга сонрестольныхъ братьевъ. Не самъ ли Вячеславъ Ивановъ повѣдалъ намъ мнѣ объ Аполлонѣ Дельфійскомъ, поразившемъ прадіонисійскаго Пнеона? Убийца исполнился пророческимъ духомъ своей жертвы.

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.